

Мир Станиславу Васильевичу Коврижкину был знаком не понаслышке. Он побывал во многих уголках планеты Земля, совершил «необыкновенный вояж» по странам, которые редко кому открывались. Ему, «пилигриму с большими ногами», неймётся и сейчас ринуться в новую Галактику, разузнать: а как там они живут, что у них интересного... Может, здесь кузнечик потерял свою скрипку, плачет «по острому запаху нескошенных трав»?

Мы все в дороге, прости нас, Господи, неусидчивых и беспокойных. Но что-то родное, огромное, нам непонятное, всплывает в сознании путника – то ли это рябина у окна любимой, то ли её «прикосновение к душе ...».

*Всё вроде ничего,
Но как-то неуютно
Мне без твоей обычной суеты.*

Не мать ли, Евдокия Патроколовна, с остатками нерастраченной цыганской крови, передала сыну тоску по горизонту, скитальческую тягу к новым землям, дух бродяжничества? И верил он, задыхаясь в песках Сахары, леденя от холода космоса в горах Тибета или от ужаса ночи в пирамиде Хеопса, что всегда у него есть милая сторонка, отеческий край, Россия, «где плывут в лучах, как лебеди, тюльпаны», где «время – сейнер...», где «стога как памятники лету, / Как будто бродят...».

И убеждён: «... в этом мире моя участь в ночах, закатах и
утрах!». Родное – это «шелест листьев облетевших,

Шёпот тайный...

Дышит прелость...

Запах резеды...».

Лирический герой связан неразрывными нитями с Землёй,
ощущает её всеми своими чувствами. «Я просто этой жизни
верил и отдавал ей силу рук». Наполнена душа звуками, они
«порхают стаей голубей».

И сам человек стал мостом галактике, проводником беско-
нечного тепла и любви ко всему земному. Велика и огромна
вселенная, но герой пуповиной связан с окружающим миром,
с воздухом, «которым с рождения дышим ...». Живительными
соками питает его

... Рассвета час. Он, словно

Человек,

Кряхтит, зевает

и потирает руки...

Земле, нашей матушке, обращено стихотворение:

Я – тело твоё,

А сказать между нами,

Я – пуп твой,

Взметнувшийся высоко,

туда, где в потёмках роятся галактики...

Человек – сердцевина мира, сосредоточие жизни. Он велик
своей душой, вбирает в себя свет и тьму, горечь и радость
бытия. Какая-то свербящая нутро боль чувствуется в стихах
поэта, она не даёт покоя, обязывает идти, падать и поднимать-
ся вновь к мерцающим вершинам новых открытий.

Отсюда короткие, как реплики, отдельные поэтические
этюды о красоте мира, безжалостной поступи времени. Это

всплески необузданной ещё лирической формы, это выброшенные из глубины души протуберанцы будущей неизвестной ипостаси. Это далёкие на горизонте горы, которые будут расти по мере приближения к ним.

Единение с миром характерно для стихов творца, но всегда незабвенной остаётся его родина – Россия. В отрогах Тибета из разломов земной коры видна только узкая полоска неба, которая ничто – с голубизной над его головой, с краем, где «медовухой вея, бродит бабье лето...», «звонко опадает каплями с весла».

Стихи Станислава Коврижкина, на первый взгляд, эклектичны, не связаны между собой логикой ума, кажутся отрывками из большой повести, но чем глубже идёшь по строкам, тем сильнее впитываешь тревожность души, её ранимость, вечную неуспокоенность перед белым светом за прожитый день, чувствуешь какую-то ещё не воспетую мелодию. Они заставляют задуматься и о себе.

И это, по-моему, самое главное.

Жизни смысл

весь в прекраснейшем

будущем –

день сегодняшней

жизни не в счёт.

«Миры далёкие, тайны прекрасные» не соблазнят его. Это осознано, глубоко прочувствовано, звучит щемяще :

... в миг свой последний

безропотно кану я

в маки багряные,

тёплые,

красные.

В душе идёт постоянный поиск смысла жизни не только себя, но бытия человечества, и, может быть, найдутся ответы на вечные вопросы.

*Нет, не исчезнуть мне куда-то,
Лишь ухожу порой в себя.*

У странника острый слух, чуткое сердце. Любимое состояние героя стихов – тишина. Вот она «с неба спустилась...», «Союзник тьмы – ночная тишь», «Успехов нет, в душе за-тишь...», но лучше и человечнее: «Рука в руке – теплее тишины».

Стихи путешественника-поэта (а иного не бывает!) наполнены желанием продлить существование человека, верой в доброту и правду, признательностью и благодарением за жизнь Всевышнему. Они удивительно откровенны и чисты, упоительны в своей поэзии.

*... Ты вслушайся, как спит ребенок,
как ток смеётся в проводах,
как обрывает ночью сонной
сентябрь яблоки в садах.
Незримые ночные звуки,
чуть тая медленно, во тьме
протягивая к звездам руки,
поют о жизни на Земле.*

У строчек – рваный ритм, особая ритмика, своя просодия, в которую надо погрузиться, как уходили в неизвестное Колумб и Ван Боссе.